

Виктория Токарева

Жена поэта

НОВАЯ
КНИГА

И з д а т е л ь с т в о « А з б у к а »

Виктория Токарева
Жена поэта (сборник)

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

Токарева В. С.

Жена поэта (сборник) / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус»,
2019

ISBN 978-5-389-16647-9

«Виля уже имел негативный жизненный опыт (двойное предательство), но романтизма не изжил. Верил в прекрасное. И отражал это в своих стихах. Прекрасными были цветы – садовые и полевые. Что может быть совершеннее ромашки? Кто ее придумал? Всевышний. А как прекрасен грибной дождь с радугой на небе... И человека придумал тот же автор. А такие оттенки, как хитрость, предательство, – это добавили в жизнь сами люди. Всевышний совершенно ни при чем». Виктория Токарева

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-16647-9

© Токарева В. С., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Жена поэта	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктория Токарева

Жена поэта. Повесть и рассказы

© Токарева В. С., 2019

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Жена поэта

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был поэт. Государство – Советский Союз, семидесятые годы. А царство – маленький провинциальный городок, частный деревянный дом. Ветка черемухи стучала в окно юного поэта.

Звали поэта Вилен, сокращенно Виля. Это имя – производное от полного имени вождя революции: Владимир Ильич Ленин. В двадцатых и тридцатых годах вошли в моду революционные имена: Владлен, Марлен (Маркс – Ленин), Рэм (Революция – Энгельс – Маркс), Ким (Коммунистический интернационал молодежи), Индустрий, Искра – та самая, из которой возгорится пламя.

Имя «Виля» было благозвучным и нежным. Приятно произносить. Фамилия – Селиванов. Когда-то, в очень далекие времена, эта фамилия образовалась из двух слов: «село» и «Иванов». Получилось «Селиванов». Селивановых очень много, но никому в голову не приходит, как возникла эта фамилия.

Жил он с папой и мамой. Мама Надя была разговорчивая, все время вещала что-то никому не нужное. Ей казалось, что другим это интересно. Близкие родственники делали вид, что слушали, но они просто пережидали словесный водопад, думали о своем.

Папа не имел в семье никакого авторитета, поскольку он ничего не добился в жизни. Но он и не добивался. Просто жил себе: ел, пил, любил, читал, смотрел телевизор. И никуда не стремился. А зачем? Все при нем: вода, еда, жена, сын, книги. Что еще?

Сын Виля довольно рано начал писать стихи. Их публиковали в газете, сначала в школьной, а потом в городской. Стихи были простые и ясные, без заворотов. Казалось бы, ничего особенного, а попробуй написать просто, ясно и в рифму.

Виля выделялся среди ровесников, и его полюбила самая красивая девочка в классе Таня Марченко. У нее была сверкающая улыбка, глаза круглые и густо-коричневые, как переспелые вишни, прозрачная челка и рюмочная талия.

Стихи полились из Вили, как из фонтана в центре города. Стихи были такие: «Я гляжу на твои колени, взгляд мой дерзок, и чист, и смел...» И так далее, целая серия: «Я гляжу на твои глаза», «Я гляжу на твои плечи». Таня Марченко опасалась, что Виля поглядит еще куда-нибудь и потом расскажет об этом всему свету. Таня стала избегать Вилю, но ее неприступность только подливала масла в огонь, подстегивала молодую страсть. Однажды они оказались на дне рождения Шурки Самодёркина. Шурка – лучший друг, но дело не в нем.

Шуркины родители накрыли стол для гостей, а сами ушли. Очень кстати. Мальчики стали зажимать девочек. Сердца стучали так, что ритмичный стук вылетал в форточку и поднимался высоко в небо. Самолеты начинали дрожать от турбулентности. Подростки постигали главные ощущения жизни.

Виля зажал Таню в прихожей среди чужих пальто. Он был совершенно не осведомлен сексуально. Действовал интуитивно. Таня ему помогала, расстегнула кофточку, стянула лифчик, иначе бы он порвал. «О! Если б навеки так было...» Но ничего не бывает навеки.

Шуркины родители вернулись. Пришлось принять прежний вид и восстановить выражение лица. Компания вернулась к столу. Сидели с выпученными глазами, оглушенные гормоном счастья, который вырабатывается в определенных обстоятельствах.

Там, в прихожей, был открыт ящик Пандоры. Ящик – это ящик, а Пандора – первая женщина, созданная по велению Зевса. Открыть ящик Пандоры – значило совершить действие с необратимыми последствиями.

Последствия настали. Виля и Таня думали только друг о друге и ни о чем больше. При каждом удобном случае они обжимались: стоя, и сидя, и лежа, в зависимости от обстоятельств. Ее дыхание, ее аромат, тепло ее тела – единственное, чем питались его стихи.

Получился целый сборник. Этот сборник сыграл решающую роль в судьбе Вили. Руководство города заметило самородок и стало выдвигать его вперед.

Виля довольно быстро осознал, что выдвиженцы живут лучше, чем скромные труженики. Разница примерно такая, как между кошкой и собакой. Собака живет на улице, в будке, питается объедками со стола. А кошка – в доме, на диване, смотрит телевизор на коленях у хозяйки.

Виле тоже доставались продуктовые пайки с красной икрой и мороженой курицей. За это он должен был сочинять стихи по заказу: к празднику Великого Октября, ко дню рождения Клары Цеткин. Кто такая эта Клара, Виля понятия не имел, но это ничему не мешало. Свои главные стихи он не смешивал с заказными. Разница была такая же, как между колбасой в магазине и колбасой в продуктовых пайках.

Виля окончил школу. Поступил в педагогический институт. И женился на Тане Марченко. На ком же еще?

Руководство города предоставило им квартиру в новом блочном доме. Жить на этаже оказалось удобнее, чем в частном доме. Водопровод прямо в квартире, сортир – то же самое. Не надо бежать во двор среди ночи. Горячая вода, ванная, газовая плита – живи не хочу. Можно рожать детей, хоть целую дюжину, но Таня не хотела ни одного.

– Почему? – вопрошал Виля.

– Я не хочу менять хорошую жизнь на плохую, – объясняла Таня.

В ее семье было пятеро детей. Таня – старшая, и поэтому ей приходилось нянчить всех своих братьев и сестер. Этот клубок забот достался ей полностью и под завязку. Ее буквально тошнило от вида грудного ребенка.

Шурка Самодёркин не захотел получать высшее образование. Он пошел в армию. Вернулся с водительскими правами и подался работать в такси.

Виля пристроил друга к доступному начальнику. Шурка стал обслуживать начальника и его семью, а в свободное время – друзей и родственников. Тоже не последнее дело.

Таня Марченко (теперь Селиванова) вила гнездо: люстры, полочки, обеденные сервизы. Шурка сопровождал ее, таскал тяжести, давал дельные советы. Таня буквально не могла без него обходиться. А Шурке нравилось быть необходимым. Это означало: он нужен не только себе самому, а еще кому-то. В этом смысл любви и материнства: быть нужным.

Виля в бытовухе не участвовал. Он был заточен на творчество и на карьеру. В отличие от Шурки.

Составная часть карьеры – написание льстивых стихов, которые он самолично вручал хозяевам города.

Виля хорошо выучил коридоры власти, запомнил кабинеты, а также фамилии, имена-отчества и дни рождения. Виля был молодой, вежливый, услужливый и не мог не нравиться. Цветущая юность всегда привлекает.

Шурка Самодёркин не понимал Вилю.

– Что ты им жопы лижешь? – интересовался Шурка. – У них своя жизнь, у тебя – своя.

– А ты не лижешь?

– Нет. Я – обслуживающий персонал. Обслуга. Я за это деньги получаю.

Однажды мама Надя (мать Вили) напекла пирожков с капустой и пошла к сыну – проведать и посмотреть хозяйским глазом. У нее были свои ключи.

Мама Надя вошла в прихожую, увидела незнакомую куртку. Чья бы это?

Прошла в спальню и остановилась в недоумении. Ее поразило количество голых ног. Их было четыре, но казалось, что больше. Приглядевшись, мама Надя определила две головы. Та, что сверху, принадлежала Шурке Самодёркину: друг, называется. А все, что внизу – Таня.

Шурка трудился самозабвенно и ничего не видел вокруг себя. Таня пребывала с закрытыми глазами и тоже не увидела маму Надю.

Мать Вили постояла и тихо ушла. Не стала себя обнаруживать.

Болтливая и несдержанная, мама Надя проявила неожиданную мудрость: решила промолчать. Любовники ее не видели и не знают, что их застукали. Можно сделать вид, что ничего не случилось. Шурка уйдет домой. Вили вернется из института, Таня встретит его с нежной, немножко виноватой улыбкой. Жизнь продолжается.

Вили любил Таню всей душой и телом. Объявить ему о неверности жены – все равно что ударить ножом в сердце. Хотелось, конечно, – пусть знает правду. Но кому нужна эта правда? Зачем такая правда, от которой боль и разрушения?

Но каков подлец Шурка! Вили устроил его на денежную работу. Вили был предан любви и дружбе, как лебедь. Бедный Вили. Поэт. Видит мир сквозь розовые очки. Дурак.

Мама Надя терпела эту тайну, как тяжелую болезнь. Иногда замирала и качала головой, как лошадь, отгоняющая шмеля.

А вдруг у Тани с Шуркой любовь? Тогда роль Вили непонятна. Вернее, понятна. Его надо поскорее выдрать из этой грядки, где произрастают ложь и предательство.

Вили ничего не замечал. Но однажды пришел растерянный.

– Люди злые, – сказал он матери.

– Какие люди? – спросила мама Надя.

– Танина подруга. Томка Звонарева. Сказала, что Таня изменяет мне с Шуркой. Подруга, называется.

– А откуда она знает?

– Говорит, что Таня сама ей рассказала. Поделилась. Представляешь? Сволочь!

– Кто?

– Томка, кто же еще? Она всегда завидовала Тане и сейчас завидует. У Тани – отдельная квартира, муж и красота. А у Томки ничего нет и никогда не будет.

– А ты сам спроси у Тани, – предложила мама Надя.

– Что спросить?

– Про Шурку.

– Ты что-нибудь знаешь? – заподозрил Вили.

Мама Надя хотела сказать: «Все знают, кроме тебя», но многозначительно промолчала, поджав губы. Ее рот, и без того узкий, превратился в нитку.

Вили посмотрел на нитку и сказал:

– Ты злая. Ты плохой человек.

Встал и ушел.

Вили не стал садиться в автобус. Шел пешком. Ему не хотелось никого видеть, и даже случайные пассажиры казались врагами. Вокруг – враги. Все. Даже самые близкие: друг, мать, жена.

Во рту накопилась слюна. Вили хотел сглотнуть, но не смог. Болело горло. Не просто болело. Ломило.

Вили сплюнул на землю. Подул ветер и забросил слюну на пальто. Получилось, что Вили сам себя оплевал.

Он вошел в дом. Разделся в прихожей и сразу прошел к постели. Лег. Таня села рядом. Кровать под ней качнулась.

Вили внимательно смотрел на жену. На ней было короткое легкое платье тигровой расцветки. Оно же служило ночной рубашкой, и домашней одеждой, и даже выходной. В ресторан она его не надевала, конечно, но гостей принимала. Ей было лень переодеваться.

- Ты спишь с Шуркой? – прямо спросил Виля.
- Ну да... – легко призналась Таня.
- Зачем?
- Мне интересно.
- Ты меня не любишь?
- Люблю.
- А зачем изменяешь?
- Я не изменяю. Я просто трахаюсь, и все.
- Но если ты любишь мужа, зачем тебе любовник?
- Для кругозора.

Таня смотрела прямо в его глаза – ни тени смущения.

- Какого еще кругозора?
- Ты понимаешь, у меня никого, кроме тебя, не было. Только ты, и все. А мне интересно: как с другими? Все люди разные, значит, и половые акты разные. Как книги. Нельзя же всю жизнь читать одну и ту же книгу...

У Вили загорелось лицо. Видимо, поднялась температура.

- Знаешь, как это называется? – спросил он. Виля произнес короткое емкое слово.
- Очень грубо, – не одобрила Таня. – Ты красный. Давай я тебя водкой натру.

Виля провалялся неделю. Его навещали, но он никого не хотел видеть. У него была полная апатия ко всему: к еде и к людям.

Однажды зашел Шурка Самодёркин. Принес томатный сок и плитку шоколада.

- Зачем ты трахаешься с Таней? – прямо спросил Виля. – Тебе не стыдно?
- Так это не я, – открестился Шурка. – Это она. Ее идея.
- Но член-то твой.
- Это не считается, – сказал Шурка. – Мужчины все такие. Мужская природа. Когда плохо лежит, норовят воспользоваться.
- Но я – твой друг.
- И я – твой друг. Что изменилось? Ничего.

Виля понял, что ему не достучаться до Шуркиной совести. То ли этой совести нет совсем, то ли он, Виля, что-то не понимает. Отстал от времени, как динозавр. Что дальше? Они так и будут расширять свой кругозор, а он – с ветвистыми рогами у прохожих на виду?

Виле стало казаться, что все вокруг знают, весь город в курсе его личной жизни. Он здесь не останется. Уедет. Куда? В Москву, куда же еще?

Здесь, в этом захолустье, ему нечего ловить, кроме сплетен. А Москва – большой водоем для крупной рыбы. Не водоем – океан, где свободно плавают киты и акулы.

От этой мысли становилось легче.

Ангина долго не проходила. Вернее, она утихала, но скоро возвращалась. Самостоятельно с ней было не справиться.

Виля пошел в поликлинику. Его направили в кабинет «ухо-горло-нос».

За столом сидела женщина-врач, лет тридцати. Виле – двадцать два. Для него тридцать – возраст. Врач была не молодая и не старая, не худая и не толстая, не красавица и не уродка. Она взяла голову Вили двумя руками. Руки у нее были сильные и нежные одновременно. Виля представил, как она обнимает своего мужчину.

- Как вас зовут? – спросил Виля.
- Валентина Егоровна.
- А можно Валя?

Она не ответила, надвинула на лоб круглое зеркало. Приказала:

– Откройте рот.

Виля покорно разинул рот. Валя сунула в рот что-то железное, стала изучать его гланды. Виля давился, на глазах выступили слезы.

Валины руки пахли ванилью. Очень приятный, заворачивающий запах.

– У вас в гландах пробки, – сказала Валя. – Надо пропить антибиотики.

Она освободила его рот от железа. Стала писать рецепт.

– Фиг с ним, с пробками, – сказал Виля. – Само пройдет.

– Или пройдет, или будет осложнение. Вы носите в себе мину.

Мина действительно в нем сидела, но она называлась «Шурка Самодёркин».

Слезы снова вернулись в глаза, хотя Виля больше не давился.

– Не бойтесь, – мягко проговорила Валя и положила свою руку ему на щеку.

– Я не боюсь. Мне все равно. – Виля взял ее ароматную руку и подвинул к своим губам.

– Пейте «Сумамед», – как ни в чем не бывало сказала Валентина Егоровна и мягко убрала руку. – Начните сегодня же.

Ангина действительно прошла очень быстро, буквально за три дня. Валентина Егоровна оказалась права.

Виля планировал отъезд в Москву. Он понимал: надо вступить в партию. Без партии карьеры не сделать. Какая карьера у поэта? Голодный художник, и больше ничего. Другое дело – должность. Должность – это власть. А власть – это тиражи и деньги.

Для должности необходима протекция. Виля зачастил в горком (городской комитет партии). Он не лизал жопы (выражение Шурки), но мел хвостом. Начальники разглядели в нем своего. Орлы распознали орленка. А может, волки – волчонка.

Начальники – не дураки, как хочется думать простому обывателю. Однако не романтики. Циничные ребята.

Виля уже имел негативный жизненный опыт (двойное предательство), но романтизма не изжил. Верил в прекрасное. И отражал это в своих стихах. Прекрасными были цветы – садовые и полевые. Что может быть совершеннее ромашки? Кто ее придумал? Всевышний. А как прекрасен грибной дождь с радугой на небе... И человека придумал тот же автор. А такие оттенки, как хитрость, предательство, – это добавили в жизнь сами люди. Всевышний совершенно ни при чем.

Окончив педагогический институт, Виля в учителя не пошел. Он не умел относиться к детям как к равным. Для него дети – дикари, которым некуда девать энергию. Он их не уважал. Они это чувствовали и отвечали тем же самым. Педагогический талант – такая же редкость, как любой другой.

Виле удалось устроиться в заводскую многотиражку. Там он мог сочинять стишата на любую тему. Он так и делал. И все были довольны. Но Виля понимал, что заводская многотиражка – временный причал. Его ждет большое плавание.

Танина неверность – не случайна. Она выталкивала Вилю в новую жизнь. Ничего не бывает просто так. Все – для чего-то.

Однажды Виле приснился сон, что он не спит. Таня лежала рядом. Он – с краю. Вдруг дверь скрипнула. Кто-то вошел и лег рядом с ним. Он услышал на себе руки – нежные и сильные. Ощутил запах ванили. В нем задрожало счастье.

Виля испугался, что Таня проснется, и постарался не двигаться и дышать ровно. От страха чувства обострились, наслаждение становилось нечеловеческим. А может, как раз – человеческим.

После работы Виля пошел в поликлинику. Терпеливо отсидел очередь. Вошел в кабинет. Валентина Егоровна узнала Вилю, равнодушно поздоровалась, как будто не она приходила ночью.

Посмотрела горло с той же противной железкой. Сказала:

– Гораздо лучше. Делайте полоскания солевым раствором. Ложка соли, ложка соды на стакан.

Надо было уходить. Уходить не хотелось, но не оставаться же в кабинете.

– Давайте встретимся, – бесстрашно предложил Виля.

– Зачем? – не поняла Валя.

– Встретимся... В кино ходим.

– Я не могу, – испугалась Валя.

– Почему?

– У меня ребенок. Я должна отпустить няньку.

– Вы замужем?

– Уже нет.

Валя покраснела. Значит, совесть при ней. Таня Марченко не краснела никогда.

– Если хотите, мы можем встретиться в обеденный перерыв, – не отставал Виля. – На мосту.

Валя пожала плечами. Виля не понял: это да или нет?

– Договорились? – проверил он.

Валя снова пожала плечами. В дверь заглянул следующий больной. Надо было уходить.

– Завтра, – уточнил Виля. – В тринадцать ноль-ноль...

На другой день Виля не пошел на работу. Сел к столу и написал стихи. Перенес их на открытку. Стихи имели содержание: два корабля потерпели крушение, но они притерлись друг к другу боками и устояли на волнах, не утонули. Стихи были с намеком.

Если Валя развелась с мужем, значит, она тоже потерпела крушение, и следует притереться друг к другу. Это сделает их сильнее и устойчивее.

Виля заметил в себе особенность: стихи исторгаются из него в период подъема чувств, а при упадке – тишина. Только счастье провоцирует в нем талант.

Виля пришел на мост с букетом ромашек и с открыткой. Валя запаздывала. Виля терпеливо ждал не раздражаясь, размышлял: Валя серьезная, занятая женщина, днем работа, вечером – ребенок. Для любовников времени не остается. Порядочная женщина, с профессией, а это – главное. Главнее, чем красота. К внешности привыкнуть можно, а к изменам – никогда.

Появилась Валя. Виля приятно удивился. Красота была при ней. Неброская, тихая, как полевой цветок. Но – красота. Такую не стыдно показать. А это важно, поскольку жена – визитная карточка.

* * *

Я познакомилась с Вилей в Москве, когда он уже стал Виленом Ивановичем. Ему было хорошо за сорок. Он занимал большой пост: главный редактор журнала.

Я, молодой, начинающий писатель, принесла в журнал свой рассказ. Главный редактор прочитал и пожелал со мной встретиться.

Я вошла в кабинет. Виля поднялся из-за стола, долго тряс мою руку, потом сказал, что рассказ ему не понравился, и стал объяснять – почему.

Он нес какую-то хрень. Я слушала и рассматривала главного редактора. Все при нем – и шелковый шарфик вместо галстука, и нарядный кок на голове. Но что-то неистребимо провинциальное проступало в его облике, в его речи и в его аргументах.

Я не уверена в себе и люблю, когда мною восхищаются, а критику переношу с трудом. Я выслушала спокойно и неожиданно для себя сказала:

– Понимал бы что-нибудь...

Обычно я с начальством так не разговариваю. Я начальство боюсь.

Виля вытаращил на меня глаза. И полюбил. Не как женщину, а как личность.

Я люблю, когда меня любят.

Виля подарил мне сборник своих стихов. Это, конечно, не Мандельштам. Стихи Вили неуловимо провинциальные, но трогательные. В провинциальности есть своя чистота и цельность. И когда обожрешься равнодушием большого города, хочется погрузиться именно в чистоту и цельность.

У Вилена Ивановича была армия поклонниц. Он часто выступал, собирал большие залы, и в конце выступления к нему выстраивалась очередь за автографом, как в Мавзолее к Ленину.

Виля воспринимал успех спокойно, как нечто само собой разумеющееся. Привык.

Дома я у него не бывала, но знала, что он женат на Вале. Валя работала в районной поликлинике. Ее специализация – ухо, горло, нос. Виля шутя дразнил ее: «В ухо, в горло, в нос».

У Вили с Валей – общий ребенок, мальчик. Плюс дочка Вали от первого брака. Вполне семья.

Первая жена Таня Марченко осталась на прежнем месте. Она вышла замуж за Шурку Самодёркина и, конечно, прогадала. Шурка так и остался водилой, крутил баранку. А Виля выбился в большие начальники, дружил со знаменитостями, ездил за границы, выступал по телевизору.

Виля часто навещал родителей, приезжал в отчий дом. Заходил и к Шурке с Таней. Сидели на кухне, выпивали. Шурка жил в Вилиной квартире с его первой любовью, но это никого не задевало. Наоборот. Виля был рад, что сделал для друга много хорошего.

Что касается Тани, она не любила больших городов. Ей нравился свой огород, свои шесть соток, свои овощи без нитратов и своя клубника. И своя квартира в блочном доме ей тоже нравилась. Ее все устраивало.

Шурка Самодёркин доставал гитару и пел, покачивая головой. А Таня смотрела на него блестящими глазами. В такие минуты она его хотела. А Виля думал о том, какой кусок молодости, нелепый и страстный, ушел в прошлое. В его голове начинали выстраиваться строчки. Он искал, чем бы записать. Боялся, что захмелеет и забудет.

Вилю часто отправляли за границу руководителем делегации. Он включал меня в состав делегации. Мои главные достоинства: молодая – приятно посмотреть, и не пьющая – никаких хлопот в поездке.

Однажды делегация отправилась в Болгарию. Считалось, что Болгария – не заграница, социалистический сектор. Болгария – не Италия, конечно, страна бедная, но какая же гостеприимная. Какая вкусная кухня. Какие красивые мужчины – большеглазые, брутальные. Буквально турки.

Однажды мы оказались на пароходе. Куда он плыл? Что за водоем? Я ничего не помню. Помню только, что мне было весело и я хохотала от души. На меня даже оборачивались. А дело было в том, что я выпила целый фужер болгарской сливовицы. Мои мозги, непривычные к спиртному, поплыли во все стороны, я не могла идти прямо.

Виля обхватил меня поперек спины и доставил в гостиницу, в мой номер. Отгрузил на кровать. Я рухнула замертво и тут же заснула.

Виля стоял надо мной. Было очевидно, что меня нельзя оставлять одну в сумеречном сознании. Мужская природа могла привести в номер кого угодно, и этот кто угодно воспользовался бы тем, что плохо лежит.

Виля вышел в коридор, поставил возле моего номера стул. Сел на него. И дежурил всю ночь. Ему смертельно хотелось спать, но Виля не покидал поста. Он меня охранял. Он за меня отвечал.

Я проснулась среди ночи. Хотелось пить. Дверь была приоткрыта. Я вышла и увидела Вилю, обмякшего на стуле. Я тронула его за плечо. Он подхватился и вскочил.

– Иди спать, – сказала я.

– А ты? – спросил Виля.

– И я буду спать. Я закроюсь изнутри.

Виля подождал, пока я поворачивала ключ изнутри. Подергал дверь. Удостоверился в моей безопасности. И пошел к себе в конец коридора.

Я слушала его шаги, и мое сердце становилось горячим от благодарности. Дело не в том, что он меня от чего-то спас. Скорее всего, мне ничего не угрожало. Дело в ответственности человеческой. Он согласен был не спать ночь, охраняя мой сон. Как пограничник на посту. Кто я ему? Никто, в сущности. Одна из многих. Дело не во мне. Дело в нем самом. Он – такой.

Счастливая Валя, которой он достался: верный, богатый и знаменитый. Везет же людям... Это было последнее, о чем я подумала, перед тем как упасть и заснуть без снов.

* * *

Валя действительно была счастлива. Виля любил ее и любил детей. В довершение Виля хорошо зарабатывал и тянул всю семью из четырех человек. Зарплата Вали уходила на мелочи, на дорожные расходы. Секс – три раза в неделю. Валя могла бы обходиться менее плотным графиком, но для Вили мужское самоутверждение имело большое значение. Валя не возражала. Между ними не было разногласий, кроме одного: Виля предпочитал любовь при свете, а Валя – в темноте. Она смущалась. Виля хотел не только чувствовать, но и видеть. Это его заводило. Валя шла навстречу капризам мужа. Еще бы... Кто она была прежде? Мать-одиночка, брошенка, разводушка, без всяких перспектив, с копеечной зарплатой. А теперь Валя – столичный житель, законная жена известного поэта. У ее дочки Маши есть полная семья и перспективы в будущем. Маша сможет поступить в любой вуз, поскольку Виля – это золотой ключик в каждую дверь.

Вале завидуют. Она видит косые взгляды в свою сторону, дескать, чем ты лучше нас, за что тебе такое?

Валя сознавала: ничем не лучше. Даже хуже. Подбородок подвис, вокруг глаз паутина.

Модный косметический хирург пообещал, что круговая подтяжка все уберет.

Подтяжка – серьезная операция под общим наркозом. Но красота требует жертв. К тому же – конкуренция. Вокруг Вили – женский коллектив. Молодые журналистки, как рыбы-пираньи, готовые на все во имя добычи.

Валя пошла на круговую подтяжку. Подбородок подтянулся, паутина вокруг глаз исчезла, но перед ухом – коллоидный шов, похожий на бельевую веревку. Модный врач навалял. Можно прикрыть волосами, но любое дуновение ветра обнаруживало дефект. Лучше уж паутина вокруг глаз. Однако люди – великодушны. Все говорили Вале, что ничего не заметно, все очень хорошо, гораздо лучше, чем было.

Валя верила. Ее лицо счастливо розовело. Человеку свойственно верить в хорошее. Надежда – в природе человека.

Мальчик Ваня рос медленно и нудно. Он был хорошенький, ершистый и неудобный. Все ему не так. Но не любить его было невозможно.

Один день нанизывался на другой, и в результате из долгих дней сложились короткие семь лет.

Ванечка пошел в школу. Учиться ему не нравилось, но с этим никто не считался. Не заберешь ведь ребенка из школы. Всеобщее образование.

У родителей – своя жизнь. Виля занят по горло. У Вали – повышение квалификации. Иногда Ванечку оставляли на продленке.

Продленка ему тоже не нравилась. Дети до определенного возраста не умеют притворяться, и Ванечка не скрывал своего отношения. Он ныл, выгибался, не слушался. Его буквально ломала холера. Уставшая за день учительница не вытерпела и выгнала его из класса. Сказала одно слово: «Вон!»

Ванечка вышел в пустой коридор. Ему стало скучно. Он отправился в раздевалку, надел свою курточку и вышел на улицу.

Дом был недалеко, но и не совсем близко. Надо было переходить дорогу. Дорога широкая, машины шастают, как жуки. Ванечка подошел к переходу, пристроился к взрослому дяденьке и рядом с ним, почти впритирку, перешел дорогу.

Дома никого не оказалось. На звонок никто не отозвался. Валя – на работе во вторую смену. Маша – в кино с подругой Милкой. А Виля – неопределенно. Он принадлежит всей стране и возвращается домой в самое разное время.

Ванечка сел на ступеньку и стал ждать.

Первым вернулся Виля. Увидел сына под дверью.

– Ты что здесь делаешь? – испугался отец.

– Жду.

– А почему ты не на продленке?

– Меня выгнали.

– Причина?

– Я не стал есть ужин. Пюре было голубое. Я сунул его в рот и плюнул обратно. А мясо я не разгрыз. И тоже плюнул.

Виля понял, что картофель разведен не молоком, а водой, отсюда голубой цвет. С мясом тоже все понятно. Лучшие куски забирают домой. Но это все – цветочки. Учительница не имела права выгонять из класса, оставлять без присмотра семилетнего мальчика. Мало ли что могло случиться...

– Сволочь! – сказал Виля.

– Кто? – не понял Ванечка.

– Все, – ответил Виля.

Валя пришла домой поздно. На работе справляли день рождения терапевта Невзоровой. Это были последние посиделки Вали в дружном коллективе.

Ребенок дороже, чем чье-то ухо, горло, нос, а тем более дни рождения.

Валя была не виновата в том, что произошло. Виновата учительница, у которой не выдержали нервы. Но Виля не хотел зависеть от кого бы то ни было. Родители обязаны отвечать за своего маленького ребенка.

Учительница – нервная. Возможно, у нее непростая судьба – и что теперь? Ванечка должен один в сумерках переходить дорогу?

– Ее надо гнать с работы, – сказала Валя.

– Это тебя надо гнать с работы, – уточнил Виля. – И я это сделаю.

И он это сделал.

Валя написала заявление об уходе. Теперь ее статус – домохозяйка. Виля прикрепил Валю к писательской поликлинике. В медицинской карте обозначалось: жена писателя. Писали сокращенно: «ж. пис.».

– Теперь я жопис, – говорила Валя.

Зачем, спрашивается, училась, получала высшее образование, посещала курсы усовершенствования, зачем делала круговую подтяжку?

Всё – в прошлом.

Виля – номенклатура. Его часто приглашали на приемы.

Вале это было интересно, но со временем надоело. Одно и то же. Пустое общение. Пузатые мужики переговариваются, устраивают свои дела. Красивые бабы, как косяк рыб, передвигаются туда-сюда в поисках свободного и богатого. Валя чувствовала себя инородным предметом, как солдатский ботинок среди модной обуви. Она никого не осуждала. Знала, как тяжело одной, без мужской поддержки рассекать грубые житейские волны. Да и время поджигает. Года скачут, как псы. Только что зима, а уже лето.

Валя ощутила ход времени в универмаге «Москва». Она стояла в примерочной, мерила платья. Ни одно ей не шло. Раньше шло все, что ни надевала. А теперь – как на корове седло. Что бы это значило? Ушло цветение. Прежде – как яблонька в цвету, а теперь – яблонька с плодами. Цветы – ку-ку. И уже не яблонька, а яблоня.

Плоды полезнее, чем цветы, но цветы – красивее. Валя потяжелела в плечах и в бедрах. Стала менее смешливая. Раньше: покажи палец – и перегибается от смеха. А сейчас надо сильно постараться, чтобы Валя снисходительно улыбнулась.

Виля особенно и не старался. Журнал – неподъемная ноша. Легко проходила серая продукция, а все талантливое шло со скрипом или не шло вовсе. Виля боялся рисковать. На его плечах – семья, родители. Он – единственный кормилец. С другой стороны, хотелось быть смелым, сорвать аплодисменты, надеть на голову лавровый венок вместо тюбетейки.

Валя заметила, что секс начал угасать. Раньше – три раза в неделю. Теперь – раз в три недели. И слава богу. Детей она больше не хотела. А самоцельные совокуплениягодились только как снотворное.

Раньше, в период цветения, секс – праздник: в душе взрывались петарды, расцветал салют.

Все имеет свой конец. Валя не заметила, как секс прекратился вообще. А когда заметила, было уже поздно.

У Вили завелась любовница. Провинциалка. Эти провинциалки хватали лучшие куски. Им доставались самые успешные.

У поэта Евтушенко была целая галерея жен из всех национальностей: татарка, еврейка, англичанка, русская. В ту пору, о которой речь, была Галя – голубоглазая еврейка, красивая, как Суламифь. Евтушенко отбил ее у лучшего друга.

У друзей отбивать удобнее, не надо далеко ходить.

Виля не подражал успешным. Просто так получилось.

Все началось в командировке. В городе Таганроге. Ездили по чеховским местам.

Виля удивлялся: какой маленький дом был у Чеховых. Семья большая, а дом – тесный. Такая же картина и в Ясной Поляне. Великим не надо большого пространства. Их пространство – внутри.

Таганрог – город южный. Городские власти принимали широко и щедро. На очередном ужине Виля перепил и разомлел. Аллочка Мухина из отдела писем сопровождала его до номера, а дальше все пошло по программе Шурки Самодёркина. Инициатором выступила Аллочка, а Виля взял то, что плохо лежит.

Утром Виля пришел в ужас. Что он наделал? Аллочка растреплет в редакции. Дойдет до Вали. И это не все. Она начнет его преследовать и шантажировать, и тогда придется ее уволить. Некрасиво.

Виля спустился к завтраку перепуганный и напряженный, как нашкодивший кот. Ждал, что будет.

А ничего не было. Алла сидела за столом как ни в чем не бывало. Как будто это не она облепляла Вилю ладошками, льнула своим шелковым тельцем, дышала прерывисто. А может, не она? Тогда кто? В делегации была Маргарита Петровна – заведующая отделом прозы, шестидесяти лет. Выглядела она хорошо. Но не настолько. Остальные – мужчины, которые норовили выпить с утра. Значит, кроме Аллочки – некому.

Аллочка сидела безучастная, с тонкой шейкой, как журавлик. Зубы у нее были как у зайца: два передних резца длиннее, чем остальной ряд зубов. Она сидела тихо и грызла сухарик.

Виля понял, что бояться нечего. Она сама боится.

Когда из Таганрога вернулись в Москву, Алла пропала. Ворох писем лежал на ее столе неразобранный. Заменить Аллу было нечем. У всех своя работа.

– А где Мухина? – спросил Виля.

– В больнице, – сообщила Маргарита Петровна. – У нее инфекционный гепатит.

– А от чего это бывает? – насторожился Виля.

– От инфекции.

– От какой инфекции?

– Что-то съела. Или выпила, – предположила Маргарита Петровна. – Она ведь не в семье живет...

Виля не расспрашивал, но Маргарита Петровна донесла кое-какие подробности.

Аллочка из города Кирова. Ее родители развелись давно. Отец помогал дочери до тех пор, пока она не получила высшее образование, а именно закончила Московский университет, факультет журналистики. А дальше финансирование прекратилось. Можно понять: у отца была следующая семья и следующие дети. Мама Аллы – работник библиотеки, копеечная зарплата. Ей самой надо было помогать. Алла осталась один на один со столицей нашей родины – большим и равнодушным городом. Москва слезам не верит, можешь плакать сколько угодно.

В Киров Алла возвращаться не хотела. Какой смысл? Делать карьеру, развиваться можно только в Москве: журналы, издательства, телевидение. Алла пошла работать в журнал, в отдел писем, но воспринимала эту должность как временную. С этого места можно было осмотреться и подготовиться к прыжку.

Маргарита Петровна добавила к сказанному, что Аллочка очень способная, у нее есть перо и слух к настоящей литературе, как бывает абсолютный слух у музыкантов. Держать ее в отделе писем – нерентабельно. Это все равно что использовать многокаратный бриллиант для резки оконного стекла.

Виля выслушал. Принял к сведению. Приказал своему шоферу купить ящик боржоми, велел отвезти в больницу. Через несколько дней поехал сам, без шофера. Эта Аллочка стояла как кость в горле. Не проглотить, не выплюнуть. Аллочка вышла к нему в больничном халате, в котором она утопала. Желтая, как японка. Она никак не отреагировала на появление Вили. Стояла и смотрела молча. Чувствовалось, что ей тяжело стоять.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Виля.

– Не знаю, – сказала Алла.

Помолчали.

– Зачем так много боржоми? – спросила Алла.

– Угостишь соседей по палате.

Виля знал от Вали, что при желтухе надо много пить. Промываться.

– Можно, я пойду? – спросила Алла.

– Ну конечно, конечно... – смутился Виля.

Он ушел с тяжелым сердцем, как будто был виноват перед Аллой. В чем? В том, что он здоровый и благополучный, а она беспомощная, как заяц, который выбежал из леса на дорогу. Затопчут, раздавят. Хотелось сунуть этого зайца за пазуху, согреть и отнести домой.

Аллочка отсутствовала месяц. Пришлось взять на ее место другую журналистку – блатную и совершенно бесполезную Семину.

Письма сыпались в журнал как песок. Но Алла умела находить в песке золотые крупички. А эта новая Семина ничего не находила и даже не читала. Она разгребала себе на столе свободное место и, подложив руки под голову, спала. Видимо, не успевала выспаться ночью. Маргарита Петровна заглядывала в отдел писем, и вид спящей коровы с широкой спиной ее бесил. На этом фоне Аллочка казалась особенно бесценной.

Маргарита Петровна задыхалась от рукописей в своем отделе прозы. У нее было три квадратных метра непрочитанных текстов. Требовался помощник, младший редактор. Маргарита Петровна попросила Вилю дать ей Мухину, которой она доверяла. Мухину не надо было перепроверять.

Виля согласился. И когда Аллочка вернулась из больницы, у нее была новая должность и новая зарплата. Виля поднял ей зарплату. Это был его первый мужской поступок, если не считать ночи в Таганроге.

За первым поступком последовал второй: однокомнатная квартира из фонда вторичного жилья.

Квартира – убитая, но все-таки свой угол. Виле хотелось проявить заботу об этой девушке. Понимал: если не он, то никто.

На новоселье Аллочка позвала всю редакцию. Мебель отсутствовала. Пировали, сидя на полу, еда была разложена на газетах.

Все салаты из кулинарии, неизвестно кем и когда сделанные. Виля опасался их есть. Предпочитал пить водку. К водке прилагалась картошка в мундире, селедочка, квашеная капуста плюс черный хлеб и сливочное масло. Что может быть лучше?

Виля ушел в середине вечеринки. Он стоял во дворе и ждал, когда все разойдутся.

К трем часам ночи все разошлись.

Спать было не на чем. Только на надувном матрасе.

Алла стала его надувать, сидя на подоконнике. И вдруг раздался звонок в дверь. Она знала, что это Виля. Откуда это знание? От верблюда. Просто знала, и все. И это был он.

* * *

Виле нравилась его жизнь: семья и любовница – все, как у белых людей. Долг и счастье. Всё при нем.

Раньше он считал, что изменять жене аморально. А сейчас он так не считал. Со временем сексуальные связи слабеют, а человеческие крепнут. Поэтому логично иметь жену и любовницу.

Мусульмане приводят в дом младшую жену, при этом старшая остается здесь же. Очень удобно, и никому не обидно. А у православных младшая жена называется обидным словом «любовница», ее приходится прятать, а самому врать и крутиться, как уж на сковороде. Мусульманам лучше: вера позволяет.

Аллу в дом не приведешь, поэтому все оставалось как есть.

Жизнь Вали не изменилась, но прибавилось пустоты. Не хватало тепла. Купили щенка колли. Назвали Герда. Собачьи девочки умнее мальчиков, то есть суки умнее кобелей.

Герда росла и становилась похожа на красавиц времен Пушкина: гладкий лоб, прическа «собачьи уши», умные глаза. Буквально Анна Керн, а не собака.

Герда осветила жизнь в доме, как будто сразу зажгли все люстры. Дети мыли ее шампунем, чесали специальным гребнем, целовали в морду.

Валя привязалась к собаке. Не хотела выходить из дома. А когда все-таки уходила – торопилась обратно.

Герда поджидала ее у дверей, дрожа от нетерпения. Она чувствовала хозяйку на расстоянии.

Виля тоже получал свою порцию собачьей любви. Герда взбиралась на его колени, лизала лицо горячим языком. Практически целовала.

Семья сплотилась вокруг собаки. Виля был спокоен.

Аллочке приходилось много читать. От плохой прозы она уставала и тупела.

Маргарита Петровна давала советы:

– Ты читай по косой.

– Это как? – не понимала Алла.

– Талантливый текст виден сразу. И бездарный – тоже сразу. Зачем читать все? По одной странице можно все понять.

Алла попробовала читать по косой. Маргарита оказалась права. Талант – это энергия, которая чувствуется сразу, как будто ты вошел в море. Журнал был второсортный. Маститые писатели в него не ходили. Внедрялся легкий, необязательный, какой-то походный стиль, якобы молодежный, а на самом деле дешевый и поверхностный.

Алла подумала однажды: не боги горшки обжигают. Села и написала рассказ. Показала Маргарите.

Опытная Маргарита сказала:

– Лучше Бунина ты не напишешь. Не теряй времени, сочини детектив.

– Детектив? – удивилась Алла. – Я не умею.

– А там нечего уметь. Труп должен появиться на восьмой странице.

– Почему именно на восьмой?

– Чтобы подцепить читателя на крючок. А дальше интересно распутывать – кто убийца. Убийца должен быть тот, на кого не подумаешь.

– Я про трупы ничего не знаю.

– А там не надо знать. Надо выдумать. Сплести паутину подозрений. Детектив – это скорее головоломка, чем литература.

Алла задумалась. Решила попробовать. Напишет, как умеет.

С чего начать?

...Утро. Золотая осень. Листья на земле. Круглая поляна. Старое дерево с дуплом. В отдалении высокая труба водоканализации.

Молодая женщина идет по лесу и ищет грибы. Должна быть обязательно молодая, иначе неинтересно. Кому нужна старая, будь она хоть семи пядей во лбу? Как Маргарита Петровна. К ней никто в редакции не пристает. А Маргарита, наверное, не против. Мужское внимание всегда заряжает, повышает самооценку. Итак, молодая женщина идет по лесу с плетеной корзинкой. Увидела перед собой огромный гриб. Подошла, разгребла листья палкой, и оказалось – это не гриб, а ботинок из желтой кожи. Ботинок принадлежал ноге, а нога – молодому парню, убитому совсем недавно. Вот тебе и труп. Но он оказался на первой странице, а надо на вось-

мой. Но ничего. В дальнейшем можно будет отодвинуть труп на восьмую страницу. Кстати, как зовут девушку? Можно назвать Джульетта, но это итальянское имя. По-русски будет Юлия.

Юлия испугалась, хотя труп выглядел неплохо. Парень как будто спал, но уже слегка остыл.

Юлия кинулась на дорогу. Остановила первую попавшуюся машину. Машина – отечественная «Нива». За рулем – мужик. Внешне никакой. Второй раз увидишь – не вспомнишь. Таких набирают в шпионы.

– Куда? – спросил водитель.

– Вперед, – ответила Юлия. Ей хотелось как можно быстрее отъехать от этого места.

Машина тронулась. Через пару километров на дороге возник подозрительный тип. Юлия догадалась, что это и есть убийца.

Убийца помахал рукой. Водитель остановил машину. Тип влез и устроился на заднем сиденье.

Юлия решила на всякий случай сдать его в милицию. Но как?

Убийца сидел за спиной. Юлия кожей чувствовала его звериную сущность. Волк в облике человека.

Впереди показался пост ГАИ. Если машину остановят, Юлия сообразит, как сдать преступника.

Машину остановили, поскольку она была грязная, с заляпанными номерами.

– Ваши документы, – потребовал дорожный инспектор Жора.

Водитель достал из бардачка документы. Мент стал их рассматривать.

Юлия открыла дверцу и громко спросила:

– У вас можно пописать?

– Идите в кусты, – разрешил Жора.

– В кустах неудобно.

– Наоборот. Свежий воздух. Земля. Круговорот воды в природе.

Юлия вышла из машины и направилась в сторону поста.

Оттуда вышел второй мент Юра.

– Чего надо? – спросил он слегка хамовато.

– Я свидетель, – тихо сообщила Юлия. – Я видела труп. В нашей машине сидит убийца.

– Откуда вы знаете? Он что, представился?

– Вы милиция, вы и разбирайтесь.

– Ваши документы, – потребовал Юра.

Юлия достала из сумки и протянула свой паспорт.

Юра записал в блокнот данные паспорта.

– Можете показать труп? – спросил он.

– Пусть убийца показывает, – сказала Юлия. – Он лучше знает.

– А где это? – спросил Юра.

– Два километра назад. Там дерево с дуплом. Дупло сухое и черное.

Она забрала паспорт. Зашагала прочь от машины.

– Эй! – крикнул водитель «Нивы». – Куда?

– Домой! – отозвалась Юлия.

Она не хотела, чтобы при ней задерживали человека, которого она сдала.

Дальше не придумывалось.

Алла не собиралась влюбляться в своего главного редактора. Женатый человек – явление временное. Но тяжело быть совсем одной в двадцать пять лет. Ни жениха, ни ухажера, ни родственников.

То, что случилось в Таганроге, – исключение из правил. Тоска пихнула, как говорила героиня Шолохова.

Алла не хотела «гонять порожняк», заводить бесперспективные отношения, но что случилось, то случилось. И пошло-поехало.

Тело Вилена Ивановича оказалось лучше, чем голова. Оно было молодое и спортивное. Если бы голову отрезать, вообще греческий бог. Но со временем Алла привыкла и к голове. Она забыла его возраст. Называла Вилен. Вилен – талантлив, а талант важнее, чем молодость. Молодых сколько угодно. Стада. А талант – редкость. Божественное клеймо.

Виля читал ей свои новые стихи и по ее реакции проверял – все ли на месте? Стихи – это не рифма, а божественный порядок слов. Когда этот порядок сбивался, Алла ловила сбой своей антенной, и ее лицо становилось безразличным. Гасло. Виля замечал эту перемену. Злился, но понимал, что надо додумать.

Он шел на кухню. Ставил чайник. Плита старая, Алла принесла ее с помойки. Чайник кто-то отдал за ненадобностью. Кухня маленькая. Но все это свое: и плита, и чайник, и кухня, и Алла. Можно ото всех спрятаться, отъединиться. Одни во всей Вселенной. Хорошо. Виля наливал чай в кружку. Ждал, когда придет новый порядок слов. И он приходил. Виля читал новый вариант. В глазах Аллы зажигались лампочки. День удался.

Алла и Виля ложились на новый разложенный диван. Они его не собирали. Он так и стоял – широкий, застеленный, манящий, готовый принять в любую секунду и соучаствовать.

Она, Алла, стала совсем ЕГО. А он, Вилен, – совсем ЕЕ. И было невозможно себе представить, что все это закончится когда-нибудь. Так же как невозможно представить свою смерть.

Валя обратила внимание, что Вили практически не бывает дома. И даже, когда он ест, тоже отсутствует. Физически здесь, а мысли далеко.

Она предполагала, что Виля углублен в свои стихи. Он сочинял всегда и везде. И даже во сне. Ночью просыпался, шел по малой нужде, а потом садился за стол и записывал свои строчки, внезапно вспыхнувшие. Мозг включал обороты и не мог остановиться. Виля ложился спать, его накрывала бессонница.

Виля пытался не подсаживаться на снотворное. Ждал, когда заснет самостоятельно. Крутился, скрипел пружинами. Герда чувствовала его беспокойство, ходила по дому, клацая когтями.

Виля перенес свое спальное место в другую комнату. Валя не возражала. Одной спать удобнее. Однако через какое-то время стало ясно, что они из супругов превратились в соседей, а их квартира – в коммуналку.

Ваня рос шумным, неудобным и автономным.

Валя пыталась стать ему близкой, но сын не подпускал. Держал дистанцию.

– Ты с кем дружишь? – спрашивала мать.

– А какая тебе разница? Ты же все равно никого не знаешь.

В этом была логика.

– Кем ты хочешь стать? – спрашивал Виля.

– Футболистом.

– Почему? – удивлялся отец. – Какая радость гоняться за мячом?

– Движение – жизнь, а сидеть на одном месте – застой, – объяснял Ваня.

– Ты считаешь, лучше работать ногами, чем головой?

– За ноги больше платят.

Это правда. Хоккеисты и футболисты зарабатывали неизмеримо больше, чем поэты. Единственное, у спортсменов – короткий век, как у балетных. Даже короче. А поэты работают пожизненно. Хотя у самых лучших поэтов – тоже короткий век.

Вилия писал стихи на все случаи жизни: к юбилеям друзей, к юбилею военно-воздушных сил, к годовщине ВЛКСМ и всем прочим годовщинам. Ему хорошо платили, но богатым он не становился.

Спасение пришло в виде композитора Олега Мамочкина, простоватого парнишки, похожего на Есенина. Он был простоват, но не прост. Прошибал любую стену. Чем? Обаянием и талантом. На одном обаянии дальше двух дверей не пропустят. Олег оказался талантливый мелодист. Его мелодии сами затекали в душу и застревали там навсегда. Буквально новый Дунаевский. Как можно из семи нот октавы сложить столько разнообразных мелодий? То же самое, как из тридцати букв алфавита можно написать всю мировую литературу.

Все началось с того, что Олег Мамочкин по собственной инициативе написал песню на стихи Вили. Не всякие стихи годятся для песни. Например, Маяковского к мелодии не пристегнешь, а Есенин – сам просится.

Поэзия Вили подходила Олегу как нельзя лучше: легкая рифма, много гласных, которые хорошо тянутся, стихи не перегружены смыслом. Простые, внятные чувства. Что еще надо для песни?

Олег написал мелодию, после чего заявился в журнал, прошел в кабинет и прямо с порога спел свое сочинение.

Песня – это соединение музыки со стихом. Львиная доля успеха перепадает композитору, однако и поэту кое-что достается.

Вилия всегда мечтал о вселенской славе. Вот она! Хоть и не вселенская, но все же...

Олег Мамочкин – иногородний. Своего постоянного жилья в Москве у него не было. Он часто околачивался в доме Вили. Валя к нему привыкла, Маша тихо влюбилась. Маше уже исполнилось семнадцать лет – возраст любви. Об этом напоминал и четвертый размер лифчика. Грудь рвалась вперед, Маша их стеснялась. Она вообще стеснялась своей внешности: нос на семерых рос, на лбу прыщи. Мальчики в классе не видели в ней девочку.

Маше не хватало мужской и человеческой заинтересованности. Вилия вечно занят. Мама вечно угрюмая. Брат Ванька – безразличный и наглый. Теплота исходила только от Герды, но Герда – собака. А Маше хотелось полноценного человека.

Олег Мамочкин постоянно сидел на кухне с гитарой, пел и пил. Иногда спрашивал Валию:

– Я вам не мешаю?

– Ты наш кошелек, – отвечала Валя. – Как ты можешь мешать?

И это соответствовало действительности. Песни Мамочкина на слова Вили пели по радио, по телевидению, в ресторанах, в пьяных компаниях и в трезвых тоже.

Довольно скоро Мамочкин разбогател. Купил квартиру, женился на Кисуле из города Сочи. Жил припеваючи в прямом смысле слова. И незаметно спивался.

Настоящего имени его жены никто не помнил. Кисуля соответствовала своей кличке: хорошенькая, гибкая, никаких мозгов.

Маша ревновала. Говорила с детской непосредственностью:

– Зачем она тебе? Я же лучше.

– Ты маленькая, – объяснял Олег.

– Я вырасту, – объясняла Маша. И не врала. Время шло только вперед.

Вилия тоже окреп материально. Купил дачу в ближнем Подмосковье. Его тут же выбрали председателем дачного кооператива.

Вилия любил власть. Ему нравилось рулить, устанавливать свои порядки, сохраняя справедливость. Он снял с пайщиков земельный налог, провел городскую канализацию.

Валя навела на даче свой уют. Постелила на пол ковры, которые Виля называл «пылесборники». Зачем ковры на свежем воздухе? Разве не лучше протирать полы влажной тряпкой? Но ковры и хрусталь – признак достатка. Достаток должен быть виден и даже бросаться в глаза.

Алла обратила внимание на то, что Виля укрепляет свою основную семью. И это понятно: там сын, там будущее, там старость, там – имущественные интересы.

Что остается Алле? Проблемы журнала и любовь. Дело и чувства. Немало. Но и не много.

Ядовитая Маргарита капала на мозги. Спрашивала бесстрастным голосом:

– Ты рожать собираешься?

– Успею, – отвечала Алла. – Женщины и в сорок лет рожают.

– Ты что, дура? – интересовалась Маргарита.

– Почему это?

– У него семья, дети. А дети – это надолго.

– Он меня любит.

– Он твой любовник. Пожиратель твоей молодости. Промуржит до сорока лет и соскочит. Найдёт другую дуру.

– Откуда вы знаете?

– Из жизненного опыта. Не ты первая, не ты последняя. Тебе, наверное, кажется, что ты особенная и твоя жизнь особенная. А у жизни всего два-три варианта. И все.

Алла в дискуссию не вступала, но расстраивалась. Потом думала: какие два варианта? Замужняя – незамужняя? Счастливая – несчастливая? Но ведь бывают замужние и несчастные. А бывают одинокие и счастливые. Вариантов сколько угодно.

Виля провел утром пятиминутку. Надо было выделить лучшие работы и худшие. У сотрудников должны быть ориентиры: на что равняться, от чего отходить как можно дальше.

Редакция кипела молодой жизнью. Приходили авторы, приносили с собой либо посылали младших редакторов в соседний гастроном.

С утра до обеда шла интенсивная работа, а с трех часов – расслабуха в виде закуски и выпивки.

Виля все это видел, но делал вид, что не видел. Главное – качество журнала, чтобы его не выперли с работы. И чтобы его не бросила Алла. Она была его ВСЁ.

«Но кто же мне была она? Не то сестра, не то жена. А иногда, казалось, дочь, которой должен я помочь».

Эти стихи принадлежали не Виле. Их написал другой поэт. Но Виля чувствовал то же самое.

Ваня не любил дачу. Ему там было скучно. Ровесников нет. Для него дача – мертвый угол. От скуки он начинал гонять по дому футбольный мяч, норовил попасть в стену. Мяч оставлял на стенах грязные круги. Валя орала очень тонким голосом. Ваня пропускал мимо ушей. У Вали свои интересы, у Вани – свои.

В этот раз Ваня категорически отказался ехать на дачу.

Маша сомневалась. Подруга Милка позвала ее на дискотеку. Валя не любила Милку, называла ее проституткой. Милка – никакая не проститутка, просто у нее такой характер: хочет объять необъятное. Боится пропустить свое счастье, поэтому бежит везде и всюду и шьет глазами по сторонам. Это не очень хорошо, но все же лучше, чем сидеть на одном месте, как пенсионерка.

Маша скрывала от родителей свою дружбу с Милкой, поэтому скрывает свои планы на вечер.

И только Герда с восторгом присоединилась к Вале. Единственно верная душа.

Виля дождался Валиного отъезда и устремился к Алле на крыльях любви. Алла обожала секс в его исполнении. Но посреди ночи Виля просыпался, спускал ноги и начинал одеваться. – Надо идти домой, – говорил он. – Перед детьми неудобно.

Алла лежала и смотрела, как Виля одевается. Для нее любовь имела две составляющие: страсть и общий сон. Какое счастье спать на плече любимого человека. Ночь длинная. Пропитываешься его теплом, его энергетикой. Это и есть жизнь. Недаром существует выражение: «они живут». Но Виля прерывал нить жизни и уходил, тем самым превращая любовь в прелюбодейство, в грех, во что-то временное. Это было обидно и оскорбительно. Но Алла молчала. Какова ее функция? Сбоку припека. А кто виноват? Кто первый начал? Виля не собирался ее соблазнять. Она сама взбила этот коктейль в городе Таганроге. Но, как пелось в одной замечательной песне, «от любви беды не ждешь».

Виля ушел. Дверь хлопала наотмашь, как по морде.
Спокойной ночи, Алла.

Валя проснулась от выстрела. Один, другой... Она открыла глаза. Комнату заволокло. Резко воняло дымом. Шла перестрелка.

Валя нащупала ногами ночные тапки, вышла на балкон. Увидела пламя, которое рвалось из окон первого этажа.

«Горим», – поняла она.

В минуты опасности Валя не терялась. Любая мелочь типа разбитого окна вгоняла ее в панику, а серьезная опасность заставляла сосредоточиться, искать самый верный и короткий путь.

Валя метнулась из комнаты, открыла дверь. Лестница в огне. Путь из дома отрезан. Есть одна дорога – в окно.

Второй этаж. Высоко и страшно, к тому же Валя неуклюжая и неспортивная. Но все это сейчас не имело значения. Главное – не столкнуться с огнем.

Валя скинула тапки, непонятно зачем, перелезла через перила и сиганула со второго этажа.

Лететь недалеко и недолго. После чего столкновение с землей и резкая боль. Одновременно с болью – нечеловеческий вой, рвущийся из окон первого этажа. Вой, боль и языки пламени. Ад.

Первый этаж полыхает, и кто-то горит заживо. «Маша...» Валя взметнулась, хотела вскочить, но ничего не вышло. Правая нога никак не ощущалась, ее как будто не было.

Вой становился гуще, и Вале казалось, что она летит на этом вое, как на метле, обхватив руками и ногами, и ее уносит вверх, потом еще выше, где нет ни света, ни воздуха. Только чернота и едва звенящая тишина.

Валя очнулась в белой палате. Больничная двухместная палата. Одна кровать свободна. На другой – она, Валя. Рядом семья: Маша, Ваня, Виля. Они стояли понурые, с одинаково вытянутыми лицами. Как на похоронах. Это она сделала их такими. Сердце прожгла жалость и любовь.

– Герда сторела, – проговорила Маша.

Значит, выла Герда.

– А ты где была? – спросила Валя.

– Она не поехала, – ответил Ваня. – Они с Милкой поперлись на дискотеку. На охоту, парней ловить.

– Нечего им дружить, – вмешался Виля.

– А с кем? – спросила Маша.

– Ни с кем. Сиди дома.

– Ага... Ты везде, а я нигде, – огрызнулась Маша.

Валя слушала любимые голоса. Все живы и здоровы, какое счастье... А она сама – не в счет. Как-нибудь выкрутится.

– У тебя перелом шейки бедра, – сообщил Виля. – Завтра будет операция по замене сустава. Поставят эндопротез.

– Называется «сиваш», – уточнил Ваня.

– Ужас, – сказала Маша.

– Не ужас, а спасение, – поправил Виля. – Раньше таких больных не оперировали. Отправляли на долеживание.

– Ужас, – сказала Маша.

– Лиля Брик находилась на долеживании и покончила с собой, – вспомнил Виля.

– А Лилия Брик – это кто? – спросил Ваня.

– Любимая женщина Маяковского, – напомнила Валя.

– А Маяковский кто, знаешь? – спросил Виля.

– Ну, так... – неопределенно ответил Ваня.

– Вот уж действительно ужас, – сказал Виля. – Маяковского не знать...

– Так он когда жил? В прошлом веке?

Вилен Иваныч выпал из жизни Аллы. Она понимала – ему не до любви и не до журнала. Дача выгорела и обвалилась, стояла посреди участка, как сломанный зуб.

«Сиваш» – отечественный протез – был тяжелый и неудобный. Казалось, что в бедре трактор. Боль стала верной подругой. Валя жила в обнимку с болью. Ходила с палкой.

Виле пришлось заниматься хозяйством, и он преуспел. Ему особенно удавался жареный хлеб, натертый чесночком, а также щи из кислой капусты.

Маша наострилась варить рассольник на мясном бульоне с перловкой. По выходным она лепила котлеты на целую неделю. Получалось пятьдесят шесть котлет. В холодном виде они тоже были вкусными. Ваня их воровал.

Вклад Вани – гречневая каша. Он ее не кипятил, а запаривал. Нетрудно и полезно.

Как ни странно, это было хорошее время. Каждый член семьи чувствовал себя необходимым. А сердце Вали буквально захлебывалось от любви.

Постепенно Валя включалась в хозяйство, создавала пельмени, блинчики с яблоками.

Прибегал Олежка, все сжирал в одночасье. Аппетит у него был отменный.

Единственное, что настораживало: Олег пил. От него постоянно веяло спиртным. Запах – приятный, и поведение повышенно доброжелательное. Маша любила его присутствие. Как будто праздник Первомая. Солнышко и ожидание счастья.

Алла остановилась на том месте, где героиня детектива по имени Юлия сдала убийцу ментам. Убийца назывался Оборотень. Итак...

В дверь позвонили. «Кто бы это?» – подумала Юлия.

Алла писала героиню с себя, поскольку она себя хорошо знала. У них много общего. Обе хорошенькие, но бесхозные, никому не нужные девушки. Они, конечно, нужны своим родственникам, но в этом возрасте – двадцать пять лет – родственники не считаются. Требуется любовь, и только любовь, при этом разделенная.

Снова позвонили. Юлия открыла дверь. На пороге стоял Оборотень. Юлия хотела тут же кинуть дверь обратно, захлопнуть перед его носом, но что-то удержало ее от такого хамского жеста.

Оборотень стоял и смотрел. Глаза его были отнюдь не волчьи. И даже наоборот – немножко овечьи.

- Вы ко мне? – проверила Юлия.
- К вам.
- Зачем?
- Просто так.
- Просто так даже вороны не каркают.
- Этого я не знаю.
- Чего не знаете?
- Про ворон.
- А где вы взяли мой адрес?
- У милиции.
- Они вас не задержали?
- Нет. Проверили документы, и все.
- Интересно... – Юлия задумалась.
- Можно мне пройти? – спросил Оборотень.
- Ну, проходите...

Если милиция его отпустила, значит, Оборотень не опасен. И даже наоборот, может быть полезен. В доме накопилось много мелочей, требующих мужских рук. Например: в люстре заело патрон, невозможно вывернуть перегоревшую лампочку. Но, прежде чем эксплуатировать человека, его надо к себе расположить.

- Хотите чаю? – спросила Юлия.
- Очень хочу, – сознался Оборотень.
- Проходите...

Оборотень вошел. Разделся. Юлия вгляделась. Никакой он не оборотень. Вполне себе красивый парень, похожий на артиста Филатова в молодые годы. Просто у него неподходящая верхняя одежда.

Юлия поставила чайник, сделала бутерброды, сверху положила кружки огурчика. Сели за стол.

- Оборотень начал есть. Ел он красиво, с сомкнутым ртом.
- Надо было о чем-то говорить.
- А где вы живете? – спросила Юлия.
- Я живу в одном доме с дочерью Аристотеля Онассиса.
- В Греции?
- Нет, в Москве. В писательских домах. На проспекте Мира.
- А разве Кристина Онассис живет в Москве?
- Сейчас в Москве. Она вышла замуж за русского.
- За писателя?
- Нет. По-моему, он кагэбэшник.
- А зачем дочери Онассиса квартира в Москве? Жила бы в Америке.
- Я думаю, у нее и в Америке есть квартира.
- А что этот кагэбэшник – он красивый?
- Неплохой. Только косой.
- Интересно... Вы писатель?
- С чего вы взяли?
- Вы живете в писательских домах.
- Да нет. Я вообще не из Москвы. Я живу в Рузаевке.
- А где это?
- В Мордовии.
- А что вы делаете в Москве?
- Я приехал получать наследство.

- От Кристины Онассис?
- От своей бабушки.
- Она умерла?
- Нет. И не собирается. Просто она при жизни хочет все на меня оформить. Чтобы я потом не заморачивался.
- Какая милая бабушка. Она писатель?
- Нет. Ее муж был писатель. А бабушка – спекулянтка. Всю жизнь скупала драгоценные камни. У нее есть черный бриллиант, сорок карат.
- Это много?
- Величиной с грецкий орех. Он бесценный. Бабушка хочет отдать его мне.
- А вы не боитесь, что вас убьют?
- Не боюсь. Я его сразу продам.
- Кто же его купит?
- Кристина Онассис, например. Ей деньги некуда девать. Что такое деньги? Вошенная бумага. А черный бриллиант – это красота.
- Вы его видели?
- Видел. Он завораживает.
- А где бабушка его держит?
- В банке с вареньем.
- Надеюсь, вы никому это не рассказываете...
- А никто не спрашивает.
- Помолчали.
- Хотите супчику? – спросила Юлия.
- С удовольствием. Я сегодня весь день ничего не ел.
- Юлия разогрела суп. Налила в тарелку.
- Оборотень начал есть, подвывая от удовольствия.
- Волшебный суп, – сказал он. Отвлекся от супа. Смотрит на Юлию. Любуется.
- А у вас есть профессия? – спросила Юлия.
- Я юрист. Но я не работаю. Эта работа не по мне: судить людей, сажать в тюрьму...
- Понятно. Не судите, да не судимы будете.
- Повисла пауза. Оборотень вдохновенно ест.
- А вы женаты? – поинтересовалась Юлия.
- Частично.
- Это как?
- У меня есть девушка в Рузаевке, но я от нее устал. Она все время спрашивает: когда мы поженимся? А мне все время хочется ей сказать: никогда. Я не выношу никакого давления. Я люблю, когда внезапно и безоглядно. Я увидел вас сегодня и подумал: «Вот она!»
- «Она» – это что значит?
- Юлия почувствовала, что волнуется.
- Это значит: все сначала. Другой город, другая женщина, другая жизнь. Я продам черный бриллиант, куплю квартиру в Нью-Йорке и снова буду жить в одном доме с Кристиной Онассис.
- Без работы скучно, – сказала Юлия.
- А я буду работать, только не с людьми, а с собаками. Я открою питомник для бездомных собак.
- Соседи не позволят. Собаки будут выть по ночам, как хор Свешникова, и нарушать спокойствие.
- Да, – согласился Оборотень. – Американцы не позволят, а русские – сколько угодно. Но, конечно, предпочтительнее открыть питомник за городом. Я сейчас ищу большие участки.

– Нашли?

– Нет еще. А вас встретил.

Юлия смутилась.

Оборотень покончил с супом. Отодвинул тарелку и спросил:

– А можно, я у вас еще немножко посижу?

– Конечно. Я только хотела вас попросить: вкрутите мне лампочку в люстру.

Прошли в комнату.

Оборотень поднялся на стул. Стал исследовать патрон.

– У вас есть отвертка?

Юлия принесла отвертку и новую лампочку. В ее хозяйстве было все.

– Я не поняла, – сказала Юлия, – вы собираетесь жить в Нью-Йорке или под Москвой с собаками?

– Везде. Люди мира. Мы с вами будем путешествовать. Не просто приехали-уехали. А приехали на Тибет, например, прожили полгода, вникли. Поменяли место. Отправились в Индию или в Китай.

– А почему вы не спрашиваете, каков мой статус? Может, я замужем. Или у меня жених.

– Никого у вас нет. Ни мужа, ни жениха.

– Откуда вы знаете?

– Это заметно. Вы не акула и не бойцовская собака. Вы – хорошая девушка. А все хорошие – несчастные.

Оборотень соскочил со стула и сказал:

– Включайте!

Юлия включила свет. Люстра засветилась как-то особенно ярко и радостно.

Оборотень подошел к ней, взял за руку:

– Соглашайтесь!

– Вы покупаете меня за черный бриллиант?

– Остальные будут покупать вас за слова. А слова вообще ничего не стоят.

Юлия смотрит в его красивое лицо. Вглядывается.

Алла отодвинула рукопись. Задумалась. Все хорошие – несчастные. Это правда. Они зависят от случая. А хищницы не зависят. Они сами создают случай.

Хищницы умеют выследить жертву, схватить вовремя и сожрать. И переварить. А она, Алла, сидит на своем рабочем месте по восемь часов каждый день, выжидает Вилю, которому скоро полтинник.

Юлия (выдуманный персонаж) получит все и сразу, плюс молодое тело с сильными руками, легким дыханием, с целым питомником благодарных собак. Вот почему этот человек показался Юлии похожим на волка. Волк – тоже собака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.